

*Ольга Погодина-Кузмина*

## Участь беглеца

Приморец на приморца, субарей на субаря,  
Ассириец на ассирийца, эламит на эламита,  
Кассит на кассита, сугий на сугия,  
Гутий на гутия, лулубей на лулубя,  
Страна на страну, город на город,  
Дом нападёт на дом и брат на брата,  
Все они будут истреблять друг друга,  
Тогда воспрянут аккадцы и всех завоюют.

*Мифология Шумера и Аккада,  
XXIV—XXII века до н.э.*

Помните все эти разговоры о новых литературных формах, которые неизбежно должны родиться при новых способах коммуникации? Гипертекст, интерактивный роман, «сад расходящихся тропок»? Мол, каждый читатель сможет нажать кнопку/перелистнуть страницу и выбрать любую из десятка возможностей развития сюжета. Такие проекты были воплощены, но все же остались в области эксперимента, не составляя конкуренции привычным жанрам.

Компьютерные технологии лишь предоставили более удобные способы работы и передачи данных. В остальном же писатели по старинке продолжают складывать слова в истории, и читатель привычно листает и бумажную, и электронную книгу от первой страницы к последней.

Однако стоит помнить, что научно-фантастические теории имеют свойство воплощаться совсем не так, как мы ожидали, и человечество зачастую даже не замечает этого воплощения.

И вот перед нами «роман-фантазмагория», напечатанный на бумаге, без всяких технических приспособлений внутри, вроде

бы последовательный в хронологическом изложении событий. Но эта книга разводит читателей по лабиринту пресловутых борхесовских тропок так далеко друг от друга, что приходится признать: виртуальная реальность хоть и не смогла атаковать укрепления литературной традиции, но обошла с флангов и ударила в тыл.

Полюса прочтения и осмысления этой книги обусловлены не только личностью автора — хотя мы знаем, что Захар Прилепин и в читательской, и в профессиональной среде вызывает как восторженную любовь, так и яростную ненависть. Не только тема и острота конфликта, незаживающая рана войны на Донбассе, обеспечивают неприятие и споры вокруг романа. Важно понимать: сегодня каждый из нас, как герой «Матрицы», окуливается в собственной информационной капсуле. Мы окутаны чернильным туманом подтасовок, интерпретаций, умолчаний и намеренной лжи. Любой факт может лечь в основание прямо противоположных теорий, любой документ может оказаться фальсификацией, а свидетели покупаются и продаются.

В условиях непрерывной информационной бомбардировки, под обстрелом противоречивых данных и заполошных криков, разнонаправленной пропаганды и циничной

---

*Захар Прилепин.* Некоторые не попадут в ад: Роман-фантазмагория. — М.: Издательство АСТ, 2019.

лжи остается один островок зыбкой, но спасительной почвы под ногами. Это голос сердца.

Новая книга Прилепина пытается решать именно эту задачу: рассказать о личной сердечной боли, о побудительных мотивах участников вооруженного конфликта со стороны ДНР. И боль эта ранит вне зависимости от того, принимает ли читатель позицию автора или категорически не согласен с ней.

«Некоторые не попадут в ад» — книга исповедальная, местами беспощадно саморазоблачительная. Пристрастные коллеги-критики уже отметили сходство некоторых глав с военной прозой барона Мюнхгаузена. И правда, налет неутомимого бахвальства то и дело прорывается сквозь общую мизантропическую интонацию. Да и цветистая пляска сюжетов отсылает к бравому выдумщику в треуголке. Из военной прозы уже советских времен (тут постарались и голливудские фильмы нашей юности) автор заимствует суровую романтику и жадное упоение мужской армейской дружбой, казарменным братством, которое, как иногда кажется, составляет главный смысл и цель пребывания героя на арене боевых действий.

«Арена» тут не случайное слово — проскакивает в тексте что-то клоунское, беспощадная самоирония, висельный юмор. Макабрическая пляска смерти. Чего стоит описание артобстрела позиций противника при помощи «вундер-вафли», усовершенствованного местными кулибинами снаряда, обладающего чудесной разрушительной силой.

Возвращаясь к жанру книги, нельзя не отметить, что повествование напоминает развернутый на 380 страниц пост в Фейсбуке, то есть публичный дневник. Доверительно, откровенно, с шутками и лирическими отступлениями, автор рассказывает о том, как день за днем проводил время среди ополченцев и руководства непризнанных республик. Как выпивал и закусывал, собирал свой батальон и добывал для него обмундирование. Как хвалился майорскими корочками и отползал под осколками; как чуть было не встретился с «императором» и чуть было не стал вершителем мировой истории. Но не стал, не встретился. И постепенно потерял надежду, что кто-то сможет развязать или разрубить этот кровотокающий узел войны.

*«Сон приснился: режиссируют почему-то сразу Эмир и Никита Сергеич, оба с усами, оба жестикулируют, а я посредине — кого-то играю, но кого — не знаю, и стыжусь этого. Хлопаю глазами, перетаптываюсь, делаю лицо».*

Тема многослойности происходящего, сна во сне, преследует героя. *«Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего»*, — читаем мы в самом известном рассказе Х.-Л. Борхеса.

«Сад расходящихся тропок» опубликован в 1941 году, в тот период Второй мировой войны, когда расстановка политических сил была весьма запутанной и неопределенной. При этом речь в рассказе идет о событиях Первой мировой и о поиске некой универсальной метафизики военных конфликтов.

Есть ряд странных сближений, которые позволяют перекинуть воображаемый мост от Борхеса к Прилепину. Это и тема лабиринта большой политики: ее запутанные тропы и потаенные углы, зыбкие омуты и бледные тени людей-нелюдей, чей цинизм и лицемерие приводят в отчаяние героя. Это и тайные нити общего напряжения, внезапно приводящие ситуацию в движение и так же внезапно замедляющие течение жизни в «зоне обстрелов». Это и (главное!) тема двойничества, которая мучает героя, подводя к чуждой, пугающей черте мистических откровений.

«Захар» — этот псевдоним-маска, уже накрепко приросший к фигуре авторского героя, ощущает почти телепатическую связь с Александром Захарченко, главой ДНР, «Батей», как называют его бойцы и приближенные.

Отношения повествователя с «Батей» замешают в книге любовную линию. Хотя на страницах романа появляются и жена, и потенциальная возлюбленная героя, которая чуть не увлекла писателя-майора в то самое взаимное головокружение, пресловутый «солнечный удар». Но женщины здесь выступают даже не на третьих ролях. Тихое семейное счастье или же потенциально бурная страсть не выдерживают конкуренции в сравнении с мужской дружбой, которая пьётся большими глотками, с упоением, с мальчишескими выходками, хмельной бесшабашностью. С лихими подначками и крепкой взаимовыручкой, одинаково бесценными в суровых обстоятельствах военного конфликта. Мальчишество, азарт игры, удар адреналина по венам, неустроенная

жизнь, стремление занять ведущую роль в иерархии мужского братства — автор не особенно скрывает, что именно по этим причинам большинство героев книги оказываются на линии разграничения. Идеи справедливости и благородной ярости вскипают скорее пеной на этой волне. Да и сама волна вскоре разбивается о скалы обывательской реальности.

Искренняя и взаимная привязанность Захара к Захарченко, эта мистическая зеркальность двух людей отдаётся то ли гоголевским, то ли гофмановским inferнальным смешком: герой сам чуть было не занял пост главы ДНР. Потому гибель Захарченко герой ощущает наполовину как убийство самого себя. Эта смерть символизирует разрушение всех романтических иллюзий героя. Он уезжает с Донбасса, и за его спиной остается лишь темный гибельный лабиринт.

Автор в достаточной мере беспощаден к своему герою, который, имея амбиции ферзя, так и остаётся пешкой, утратившей надежду добраться до противоположного края шахматной доски. И мы, и повествователь осознаем, что путь к противоположному краю означает лишь конец собственной жизни, гибель.

Герой останавливается в своем движении, но этот выбор не кажется спасительным — он полон невыразимой горечи. «Черным-черно» — это последняя фраза романа.

Двойники, отражения — символ этой зеркальной, выморочной войны, в которой с обеих сторон используются схожие лозунги и расшевеливаются одни и те же исторические травмы. По Прилепину за войной на Донбассе нет ни белых ни красных, ни классовая, ни социальной, ни религиозной идеи. Да и национальный фактор — лишь декорация. Словно кто-то развел детей во дворе по двум случайным группам и распределил роли. Мол, ты будешь фашист, а ты — советский герой. Ты «наш», а ты — «чужой». И дети поверили в этот выдуманный раздор, вживаясь в образы, наделяя врага свойствами, необходимыми для ненависти.

И большинству героев книги война даёт чувство определенности, почву под ногами, разделение добра и зла. Недаром в тексте возникает некий безымянный персонаж, давний товарищ автора по чеченской службе, который просит записать его в батальон. А, получив отказ, через какое-то время кончает

жизнь самоубийством — очевидно, от ощущения бессмысленности бытия.

Впрочем, и я читаю эту книгу из собственной информационной капсулы, которая целиком сформирована личным опытом. И я понимаю, что русская война — «она всегда за детство. За первые стихи; а как вы думали — за дураков и чью-то корысть? Нет, сначала за собственное детство. Все остальное — потом».

Для меня события на Донбассе — тоже «не чужая смута». Я тоже — «шахтерская дочь» (вспоминая поэму дончанки Анны Ревякиной, посвященную теме украинского конфликта). С шести лет и до окончания школы я проводила летние каникулы в городе Дзержинск Донецкой области.

Поезд из Ленинграда приходил на станцию Горловка, где меня встречал отец на желтом «Запорожце», вез по грунтовой дороге «за балку». Со станции Ясиноватая, вдрызг разбитой во время боев 14-го года, я когда-то уезжала в Харьков к друзьям. В Пантелеймоновке — «Пантёхе», где герои Прилепина занимали боевые позиции, мы часто гостили у бабы Люси, любимой бабушкиной сестры.

Терриконы, запах угольного масла в воздухе, полдневный жар, душистая непроглядная ночь со стрекотом цикад — сладостная память детства. И бесконечные застолья с песнями, и заготовки на зиму варенья, компотов, «синеньких» баклажанов. Южнорусский говор местных жителей, и лишь изредка — певучая коренная украинская речь торговки с базарчика или случайной попутчицы в автобусе. Пластинки Вертинского, казенный язык национального телевидения: «шановнЫ товарищИ», памятник Дзержинскому перед горсоветом и среди цветочных клумб — из стекла и бетона великолепное здание дворца культуры «Украина».

Где-то за полем на окраине Дзержинска осталось кладбище, на котором — могилы бабушки, деда, отца. Там сейчас проходит линия разграничения, и город сменил название, и ничто кроме прошлого не связывает меня с этой точкой на карте.

*«Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную. Поглощенный призрачными образами, я забыл свою участь беглеца и, потеряв ощущение времени, почувствовал себя самим сознанием мира».*

Х.Л. Борхес, «Сад расходящихся тропок»